

УДК 378.016:82

DOI 10.25688/2076-913X.2020.39.3.14

**В.В. Кириллов,
Е.А. Токарева,
Э.Ф. Шафранская**

К обсуждению темы репрессий 30-х гг. XX в. в современном образовательном процессе

В статье рассматривается ряд текстов художественной литературы, посвященных репрессиям XX в. Авторы статьи рекомендуют их для чтения студентам и аспирантам. Все упомянутые произведения опубликованы в 2000-е гг. Это романы Сухбата Афлатуни «Рай земной», Натальи Громовой «Ключ. Последняя Москва», Михаила Шишкина «Взятие Измаила», Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», Людмилы Улицкой «Зеленый шатер», Гузели Яхиной «Дети мои», а также повесть Лидии Чуковской «Прочерк», хотя и написанная в XX в., но увидевшая свет только в 2009 г.

Ключевые слова: репрессии; историческая память; русская литература XX в.; Бутовский полигон.

В конце 2019 г. в Мемориальном научно-просветительском центре «Бутово» прошла конференция под названием «Как сегодня говорить о репрессиях 30-х годов с молодежью». Ее участники, практики и теоретики, в число которых вошли антропологи, историки, социологи, филологи, священники, а также студенты и преподаватели Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (ИГН МГПУ), делились своим опытом и соображениями в контексте проблематики конференции. Особый интерес представляет мнение студентов по этому вопросу. Так, Ольга Бигильдинская, обучающаяся по программе магистратуры филологического направления, отмечает, что «отсутствие вопросительного знака в заглавии подчеркивает не дискуссионность мероприятия, а характер обмена опытом между участниками конференции, ведущими деятельность по актуализации темы репрессий среди молодежи». Марина Демидова делает акцент на встречающемся замалчивании проблемы репрессий, что, по ее мнению, не позволяет преодолеть «социальную травму» и не помогает молодежи сформировать к ней собственное отношение. Анализ этой части истории нашего государства по сей день представляет полемичную и острую тему, часто конфликтную, вызывающую стыд и непонимание, но в то же время, считает студентка, ее изучение может рассматриваться как эффективный способ воспитания и просвещения российской молодежи. Елена Козлова, соглашаясь с важностью поднимаемых на конференции вопросов о сохранении памяти всех

невинно пострадавших в годы репрессий, обращает внимание на то, что необходимо более активно вовлекать в этот процесс молодежь и школьников, чтобы преодолеть разрыв между прошлым и будущим, восстановить связь поколений.

Для осмысления проблемы советских репрессий особый смысл и эмоциональное воздействие имеет посещение мест памяти, в которых овеществляется и наиболее ярко проявляется историческая и социальная память. Одним из таких мест памяти является Бутовский полигон, где в 1930-е гг. происходили массовые убийства ни в чем не повинных людей. Для более глубокого и осознанного погружения молодого поколения в тему, ощущения ими трагичности событий того времени необходимы особые методы «говорения с молодежью», изучения исторических источников.

Наиболее приемлемым и эффективным является применение междисциплинарного подхода, соединяющего возможности и преимущества филологических и исторических методов исследования. Отмечая наличие некоторого скепсиса в отношении эффективности филологического пути, а именно в том, что мало кто сейчас читает, следует заметить несостоятельность такой оценки. Самая читающая страна прежде и нечитающая ныне — всего лишь мифы повседневности. Именно художественная литература дает полное, широкоформатное представление о человеке и человечности, а наличие арсенала приемов, посредством которых автор обращается к чувствам читателя, позволяет достигать эффекта соучастия и сочувствия — так запускается механизм исторической памяти. В этом случае «...серьезную роль играет... специфика самого материала, его идейная (духовная) глубина» [9, с. 162]. В настоящей статье раскрываются особенности и востребованность применения историко-коведческого анализа художественного текста как инструмента формирования исторического сознания молодого поколения (на примере работы со студентами ИГН МГПУ).

Анализируя исторический аспект нового романа «Рай земной» Евгения Абдуллаева (пишущего под псевдонимом Сухбат Афлатуни), романа, вошедшего в список премии «Большая книга — 2019», можно заметить, что по невероятному совпадению это произведение вполне можно было бы назвать «Бутовский полигон». В нем раскрывается тема репрессий 30-х гг. XX в., в нем тоже идут общественные баталии по поводу легитимации имен безвинно убитых с доводами полемизирующих сторон: от «надо ли ворошить прошлое?» до «народ должен знать имена жертв и их палачей».

Ключевым словом романа представляется «поле» — то самое, куда свозили советских граждан, где их расстреливали без суда и следствия и тут же закапывали — безымянно, без могил, ограничиваясь решением пресловутой «тройки»: «Когда их привезли... Тут был овраг, не слишком глубокий. В него и сбрасывали» [1, с. 247].

Поле имеет более или менее точную топографию — где-то недалеко от Смоленска. Лежащие в земле останки принадлежат тем, кто проходил по так называемому польскому делу: это поляки (советские граждане), расстрелянные

исключительно по этническому признаку, а также представители других этносов, кто так или иначе соприкасался с поляками. Один из них — православный священник Фома Голембовский, персонаж романа, чье присутствие в сюжете ограничено страницами архивных документов: допросов, его дневников и сочинений, среди которых особое место занимает «Детское Евангелие». В сюжете «Евангелия» представлен мир детей — это Иисус и его друзья-апостолы, и мир взрослых — это Понтий Пилат и все те, кому непонятны искренние детские чувства, затеи и увлечения.

Поле в романе — живой организм, оно откликается, пугает, мстит, жалеет, у него свой подход к людям, свой выбор: кого привечать, кого изгонять. Поле выбирает себе защитников, так поле вошло в дом героини Плюши (ласковое сокращение от Полины).

Таких полей на просторах бывшей империи немало, не все еще опознаны. Случай — это тот самый миг, когда обычное пространство вдруг оказывается полем: «...ребята тоже на поле вот так какой-то ком земли вместо мяча гоняли. Гол им забили, ком развалился. А это череп, оказывается. Ребята врассыпную» [1, с. 75].

С той поры поле становится главной частью жизни Полины. Она спрашивает своих учителей: «Зачем надо было уничтожить такое количество людей?» — и получает ответ: «Это было общество ада. А у ада своя логика. Нам, к счастью, недоступная. <...> Теперь главное — взять разрешение на раскопки» [1, с. 109].

Полина с коллегами-музейщиками просит у чиновников денег на раскопки, в ответ слышит вполне затверженный текст: «Поймите нас правильно... <...> Мы сочувствуем всем этим жертвам. Но не должно быть тенденциозности. <...> Зачем так педалировать, что дело было польским, зачем показывать нашими жертвами иностранцев? — Они не были иностранцами <...> Они все были нашими гражданами. У них всех были советские паспорта, они все трудились на благо нашей страны... <...> — Мы все прекрасно понимаем. <...> Да, были репрессии, но были ведь и великие достижения. Метро построили... Комедии какие замечательные снимали! А не только ГПУ, НКВД... Да и в том же ГПУ наверняка работало немало талантливых и честных людей» [1, с. 196–197]. Коллега Полины иронично обобщает все бесплодные усилия девушки: «Эти расстрелянные поляки никому не нужны. Лучше оставить, как будто ничего не было. Залить поле бетоном, все поле залить бетоном, а? Хорошо? Построить на нем еще один торговый комплекс» [1, с. 267].

Таким образом, автору романа удастся выявить все типичные ходы, препятствующие восстановлению памяти, горе по-прежнему остается «кривым» (по терминологии А. Эткинды [11]), т. е. до конца не выявленным. Избываются последствия горя только тогда, когда оно выпрямляется и обретает «твердое» состояние. Этому способствует все — все подробности, все детали, а не только то, что входит в удобный дискурс официоза. «Эта работа не заканчивается,

когда останки прошлого выкопаны и очищены от примесей настоящего. Только когда они преданы публичности, как на сцене театра, эти раскопки завершают работу горя» [11, с. 25].

В подобном же ключе пишут авторы ряда других современных художественных текстов. Михаил Шишкин во «Взятии Измаила» конструирует такое же восприятие времени и истории — во фрагменте романа, описывающем юридическую практику, это дача показаний, сводимая к качеству свидетельств о времени. Не наказание ждет подследственного (читай: любого), а искупление — все зависит от того, как и в какой мере он способен свидетельствовать. «Вот тебе перо, пиши свои показания, все без утайки, про себя и про всех. Нам все важно. А главное, детали, подробности. <...> Да чего писать-то? <...> Вспомни, как ты стоял у забрызганного дождем окна... <...> — Господи, да какое это имеет значение? <...> — Тебе не понять» [6, с. 178–179]. «И про родственников писать? <...> — А как ты думал? <...> — Так они умерли» [6, с. 178].

Александр Эткинд называет этот новый историзм «разговором с мертвыми» — «история не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу» [12, с. 416].

Каждый человек, по закону мироустройства, это хранилище информации, музей, желает он того или нет [6, с. 323]. Только личная информация является правдой истории, только так может слагаться история.

Персонаж романа «Рай земной» сетует: «Всю жизнь думал, что людям нужна правда. Правда о том, как все было. Пусть не всем. Не всем, но некоторым, некоторым-то она нужна была, а? Теперь и этих некоторых нет. Если правду некому сообщить, она теряет смысл...» [1, с. 266]. Об этом и говорили участники конференции: надо, чтобы были те, кому нужна правда, для кого нужно сохранить этот «музей». Именно такую миссию выполняет рассказчица Наталья Громовой в романе «Ключ. Последняя Москва»: «Иногда я почти телесно ощущала себя проводником того или иного человека...» [2, с. 308]. Важно отметить, что в книгах Натальи Громовой собраны свидетельства репрессий XX в., пропущенные через ее личное восприятие.

Погружение в быт и реалии 1930-х гг. (главный временной диапазон исследований Натальи Громовой) приводит рассказчицу к выводу, что это были годы всеобщей слепоты, годы, когда нищие крестьяне стояли в городе возле булочных и просили не денег, а хлеба. «Как их удавалось не видеть людям, исправно слагавшим радостные советские стихи и песни?» [2, с. 273]. Идущие следом послевоенные годы убеждают: «почти вся интеллигенция понимала, что соучаствует во лжи, кляня Ахматову и Зощенко, участвуя в абсурдных бдениях по поводу “космополитов”» [2, с. 159–160]. Задокumentированный апокалипсис XX в. сопровождается в романе «Ключ. Последняя Москва» рефлексивным сюжетом, в центре которого — личность рассказчицы, архивистки, то и дело вопрошающей: «массовые убийства людей, которые были связаны тысячами нитей с другими, как же они отзываются на всех нас? Ведь эта адская

машина продолжает и продолжает невидимо взрываться в душах» [2, с. 167]. Рассказчица пытается понять, какое отношение имеет она ко всем тем, кто воевал, доносил, убивал и лгал? Между тем «время, взошедшее на костях, длится и длится» [2, с. 151]. Цель своих поисков она метафоризирует словом «ключ».

Наконец ключ найден: «Сострадая слабым, униженным, убитым своей и чужой ложью, каждому нужно открыть двери своего прошлого, благородного и низкого, где могут быть спрятаны подвиги, а может быть — трусость и предательство. Это касается как судьбы отдельного человека, так и судьбы всего народа» [2, с. 175–176].

Погружение в художественные тексты расширяет читательское представление о человеке XX в. в историческом, культурном, социальном контексте, делает его объектом филологической антропологии (см.: [8, с. 5–25]). Так, роман А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», отмеченный премией «Русский Букер десятилетия» (2011), предстает перед читателем «энциклопедией русской жизни» середины XX в. С первых же страниц романа отбивается трагический ритм эпохи: страна до Первой мировой войны и после («дед по пятилеткам не мерил, для него все годы после семнадцатого были одноцветным советским временем, оттенки его не занимали» [4, с. 52]); страна до Второй мировой войны и после; расстрелянные и погибшие в лагерях («А в это время других сажали. И все это знали. А кто говорит, что не знал, — врет» [4, с. 409]); ссылки («рано или поздно все должны были попасть в лагерь или ссылку» [4, с. 32]); ЧСИР (член семьи изменника Родины); высланные кулаки; «десятка в мордовских лагерях»; финская война. «...Они отобрали у нас все. <...> Они отняли Россию» [4, с. 500], — скажет перед смертью дед рассказчика.

В романе Гузели Яхиной «Дети мои» [7] 1930-е гг. метафорически названы «ноябрем». Ноябрь знаменует мрачный и трагический период в жизни не только немецкой колонии, ставшей основой сюжета, но и всей страны. Решение о ликвидации колонии целиком зависело от одного человека, вождя, не названного по имени, но однозначно узнаваемого. По случаю вождь оказался в немецкой автономии: он чувствует себя в ней Гулливером среди лилипутов, с брезгливостью глядя на порядок и отсутствие всякой монументальности, так характерной для стиля, главой которого время назначило именно его. Исторический факт: первый российский трактор, названный «Карликом», вызывает у него раздражение — «Карлику» предписано исчезнуть. Пропавших «Карликов» главный герой Яков Бах видит во время своего путешествия по дну Волги, и не только их, но и многих своих соплеменников, так же неожиданно исчезнувших из Гнаденталя, — такой поволжский «Сандармох». Бах — один из тех «лилипутов», которые так раздражали вождя, их было по стране сотни тысяч, миллионы, и многие из них нашли свой последний приют на дне Волги, или на дне истории. Кто эти безвестные маленькие люди? О чем они думали, мечтали? Во что верили?

Гузель Яхина выбрала из этого полчища бесславно погибших одного — Якоба Баха, обладавшего талантом любви к слову и лишенного возможности говорить. В пространстве исторической повседневности образ Баха материализовал тот этноним, которым русский язык наградил иностранцев: Бах — немтырь, немец. Этот безвестный и бессловесный человек любил, чувствовал, трудился, заботился о своей земле, своем саде, растил детей в безграничной заботе, но был раздавлен пятой великана: его маниакальными комплексами, бесчеловечным распорядком, введенным им в жизнь страны. Так, Гузель Яхина в романе «Дети мои» на примере судьбы одного персонажа осветила историческую эпоху 1920–1930 гг. страны.

Чтобы были те, кому нужна правда, чтобы искали диалог в человеческом разномыслии, Людмилой Улицкой написан роман «Зеленый шатер», он тоже о русской истории XX в. Исторические имена-фамилии, «уголовные» дела, гонения: дело Юлия Даниэля и Андрея Синявского, Анатолия Марченко, Иосифа Бродского, Андрея Сахарова; диссидентство; преследование самиздата; гонения на крымских татар, генетику; АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников родины); ИМКА-Пресс (зарубежное издательство, книги которого распространялись в СССР самиздатом); запрещенная проза Набокова, ерофеевские «Москва — Петушки» и многое другое — это те вехи русской истории XX в., вокруг которых разворачивается сюжет романа Улицкой, сюжет, выстроенный на дружбе трех товарищей, трех семей, трех разных укладов, объединенных одним хронотопом — Москва, СССР, эпоха тоталитаризма. Нравственность, совесть, предательство, мораль, этика; Москва и деревня; партработники и пролетарии — эти и еще множество тем, поднятых Л. Улицкой в романе «Зеленый шатер», позволяют поставить эту книгу в ряд с романом Л. Толстого «Война и мир», Библией — применительно к контексту XX в. Романному повествованию Улицкой присущ библейский ритм: сменяют друг друга «цари», предки, пращурсы: Сталин, Хрущев, Брежнев; бабушки-дедушки, родители, внуки.

Забыть о трагической истории эпохи, изображенной в романе, значит, по словам его героя, остаться личинкой, никогда не стать бабочкой: «... Не выросшие до взрослого состояния существа плодят себе подобных личинок, так и никогда не превратятся во взрослых» [3, с. 80]. Только мучительно постигая внешний несправедливый и жестокий мир, его историю, человек, начиная с детского возраста, пробуждается к сочувствию и состраданию [3, с. 82]. И курирует этот процесс учитель русской словесности. «Он наблюдал у своих воспитанников развертывание крыльев и на них отпечатывались смыслы и узоры» [3, с. 79]. С точки зрения обывателя, судьба самого учителя, судьбы его воспитанников — Ильи, Михи — не состоялись: не случилась карьера, жизнь не заладилась, один вынужден уйти-разбиться от преследования КГБ, другой — пойти на сделку с тем же трехбуквенным карателем и бежать за границу, да и учитель спился, и только Сане удалось выжить и сохранить себя.

Казалось бы, чего стоят эти «люрсы» (школьный литературный кружок любителей русской словесности)? Стоило ли Виктору Юльевичу вести многолетнее наблюдение-исследование над взрослением своих питомцев, если в итоге — крах? Но крах — с точки зрения обывателя, живущего в мире расхожих ценностей. Не напрасны были «люрсы» — благодаря им и им подобным, собственно, и выстроена не официозная история страны, а та единственная, что должна вызывать гордость у молодого поколения за недавнее прошлое отечества, которое нужно знать.

Нельзя отрицать проблемы недостаточного знания отечественной истории, о чем мы говорили при обсуждении первых итогов работы с обучающимися по программам бакалавриата и программам магистратуры (В.В. Кириллов). Было выделено два основных фактора, снижающих эффективность образовательного процесса из-за низкого уровня подготовки обучающихся. «Во-первых, это низкий уровень исторических знаний бакалавров, несмотря на то что все они сдавали ЕГЭ по истории. Во-вторых, разный уровень базовой подготовки магистрантов (часть из них не имеют исторического образования), что серьезно затрудняет учебный процесс» [10, с. 139].

Для разрешения существующих проблем в формировании исторического сознания молодого поколения и предупреждения зарождения новых, научно-педагогическими работниками ведется непрерывная работа по поиску методов работы с исторической памятью. Одним из направлений этой работы является проведение самостоятельных исследований данной проблематики студентами ИГН. Одним из примеров может послужить исследование, проведенное студенткой Я.Ч. Казиевой на кафедре русской литературы в 2013 г., в основу которого положен метод источниковедческого анализа художественного текста. Результаты исследования изложены в выпускной квалификационной работе «Символика заглавия повести Л.К. Чуковской “Прочерк”». По словам Яны Казиевой, «прочерк» — своего рода сплав личного и общественного, судьба конкретного человека и его окружающих, показанная на фоне истории. В своем исследовании студентка описывает страшную машину по уничтожению людей, которая перемалывает судьбы ни в чем не повинных граждан (партийных, скептически настроенных к существующему политическому строю, евреев, русских, простых рабочих, академиков, приближенных Сталина) — всех, без разбора, причем кого-то — так, для счета.

Редкий человек была Лидия Чуковская — по духовной мощи, чувству справедливости, по бесстрашию, мало кого можно поставить с ней рядом. Уже в пору перестройки, когда печатали все, прежде запрещенное, опубликованные на Западе повести Чуковской о сталинских репрессиях долго оставались недоступными на родине — столь прямой и обнаженной правды власть продолжала бояться. Уже на третьем году перестройки, в 1988-м, в редакторских кабинетах шли баталии по поводу печатания «Софьи Петровны», повести, написанной в 1939 г. по горячему следу людоедских 1930-х гг.

После публикации повести Чуковской «Прочерк» [5] ее заглавие приобретает особый смысл. От прямого значения, бюрократической детали в графе для указания причины смерти и места смерти, к символическому: прочерк как устранение общей памяти, как зияние там, где был человек, как метафора судьбы целого поколения. Эта практика — ставить прочерк — была введена уже в постсталинскую эпоху Семичастным: «Он предложил устно сообщать родственникам реальные обстоятельства смерти репрессированных и ставить на свидетельстве о смерти реальную дату, но оставлять пустой графу “причина смерти”» [11, с. 32].

Таким образом, каждый из рассмотренных текстов отображает историческую картину советского XX в., состоящую не только из разных временных промежутков, но и из разных локусов страны, образуя историко-художественную эпопею или же представляя некий проект, никем не заданный, однако возникший и воплощенный сам собой, органично: пришло время подводить итоги XX в., искать истоки современной реальности, а молодому поколению — строить будущее России, учитывая ошибки прошлого.

Библиографический список

Источники

1. *Афлатуни С.* Рай земной: роман. М.: Эксмо, 2019. 320 с.
2. *Громова Н.А.* Ключ. Последняя Москва: архивный роман. М.: АСТ, 2013. 412 с.
3. *Улицкая Л.Е.* Зеленый шатер: роман. М.: Эксмо, 2011. 592 с.
4. *Чудаков А.П.* Ложится мгла на старые ступени: роман-идиллия. М.: Время, 2012. 640 с.
5. *Чуковская Л.К.* Прочерк: повесть. М.: Время, 2009. 560 с.
6. *Шишкин М.* Взятие Измаила: роман. М.: Вагриус, 2000. 396 с.
7. *Яхина Г.Ш.* Дети мои: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 493 с.

Литература

8. *Богданов К.А.* Переменные величины: Погода русской истории и другие сюжеты. М.: НЛЮ, 2014. 368 с.
9. *Кириллов В.В.* Условия реализации, проблемы и перспективы уровневой подготовки на историческом факультете // Подготовка педагогических кадров в системе столичного образования: материалы городской науч.-практ. конф. М.: МГПУ, 2010. С. 137–139.
10. *Токарева Е.А.* Культурный проект, культурная практика и дискурс о культуре и революции в Советской России 1920–30-х гг.: к постановке проблемы // Текст, контекст, интертекст: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. «XIV Виноградовские чтения» / отв. ред. И.А. Бирич, В.А. Коханова, А.Ю. Челнокова. М.: МГПУ, 2016. С. 157–164.
11. *Эткинд А.* Кривое горе: Память о непогребенных. М.: НЛЮ, 2016. 328 с.
12. *Эткинд А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: НЛЮ, 2001. 496 с.

References

Istochniki

1. *Aflatuni S.* Raj zemnoj: roman. M.: E'ksmo, 2019. 320 s.
2. *Gromova N.A.* Klyuch. Poslednyaya Moskva: arxivny'j roman. M.: AST, 2013. 412 s.
3. *Uliczkaya L.E.* Zeleny'j shater: roman. M.: E'ksmo, 2011. 592 s.
4. *Chudakov A.P.* Lozhitsya mgla na stary'e stupeni: roman-idilliya. M.: Vremya, 2012. 640 s.
5. *Chukovskaya L.K.* Procherk: povest'. M.: Vremya, 2009. 560 s.
6. *Shishkin M.* Vzyatie Izmaila: roman. M.: Vagrius, 2000. 396 s.
7. *Yaxina G.Sh.* Deti moi: roman. M.: AST: Redakciya Eleny' Shubinoj, 2018. 493 s.

Literatura

8. *Bogdanov K.A.* Peremenny'e velichiny': Pogoda russkoj istorii i drugie syuzhety'. M.: NLO, 2014. 368 s.
9. *Kirillov V.V.* Usloviya realizacii, problemy' i perspektivy' urovnevoj podgotovki na istoricheskom fakul'tete // Podgotovka pedagogicheskix kadrov v sisteme stolichnogo obrazovaniya: materialy' gorodskoj nauch.-prakt. konf. M.: MGPU, 2010. S. 137–139.
10. *Tokareva E.A.* Kul'turny'j proekt, kul'turnaya praktika i diskurs o kul'ture i revolyucii v Sovetskoj Rossii 1920–30-x gg.: k postanovke problemy' // Tekst, kontekst, intertekst: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. «XIV Vinogradovskie chteniya» / otv. red. I.A. Birich, V.A. Koxanova, A.Yu. Chelnokova. M.: MGPU, 2016. S. 157–164.
11. *E'tkind A.* Krivoe gore: Pamyat' o nepogrebenny'x. M.: NLO, 2016. 328 s.
12. *E'tkind A.* Tolkovanie puteshestvij. Rossiya i Amerika v travelogax i intertekstax. M.: NLO, 2001. 496 s.

V.V. Kirillov,

E.A. Tokareva,

E.F. Shafranskaya

On Discussing the Issue of 1930-s Repressions within Modern Educational Process

The article stipulates on a number of literary texts addressing the historical trauma of the twentieth century. The authors recommend those texts to students and postgraduates. All the works were published in the the 2000s. These are the novels by Sukhbat Aflatuni «Earthly Paradise», Natalia Gromova «Key. The Last of Moscow», Mikhail Shishkin «Seizure of Ishmail», Alexander Chudakov «A Gloom is Cast Upon the Ancient Steps», Lyudmila Ulitskaya «The Big Green Tent», Guzel' Yakhina's «My Children», as well as Lydia Chukovskaya's story «Dash», written in the twentieth century, but issued only in 2009.

Keywords: repressions; historical memory; historical trauma of the XX century; Butovo training ground.